

гинальных материалов, собранных в различных странах Азии, Европы и Америки, самым активным образом участвуют в разработке многих проблем этнической истории народов этих частей света. Особенно значителен вклад исследователей СССР в антропологическое изучение древнего и современного населения Китая, Кореи, Японии, многих народов Центральной Европы, американских индейцев и эскимосов.

Следует выразить надежду, что в следующем издании ценной и интересно написанной книги М. Г. Левина, которое является очень желательным, будет освещена и эта область деятельности советских антропологов.

Н. Чебоксаров

ЧЕШСКАЯ КНИГА О РУССКИХ СКАЗКАХ *

В «Трудах» университета в Брно вышла книга Ярослава Мандата — первая часть его исследования, посвященного русским сказкам и их роли в развитии русской литературы XVII — начала XIX в. Рецензируемая книга содержит четыре главы, в основном историографического характера. Вторая часть еще не опубликована.

Первая глава книги Ярослава Мандата посвящена общим вопросам взаимоотношений литературы и фольклора. Автор рассматривает историю этого вопроса в русской, главным образом советской, фольклористике. Он подчеркивает необходимость изучения не только того, что тот или иной писатель берет из народного творчества, но прежде всего того, как он обрабатывает фольклор, какова функция этих фольклорных элементов в литературных произведениях. Исследователь литературного процесса, справедливо утверждает Ярослав Мандат, обязан показать, как используемый писателем фольклорный материал превращается в литературу, насколько он становится выражением мыслей и чувств обратившегося к нему автора.

Вторая глава книги посвящена фольклоризму «допушкинского», по терминологии автора, периода русской литературы. В ней Ярослав Мандат дает краткую характеристику эпохи и намечает два основных периода в историческом развитии фольклоризма XVII — начала XIX в.: дорадищевский и послерадищевский. В первом он выделяет несколько последовательных этапов: XVII век, эпоха петровских преобразований, расцвет русского классицизма (30—50-е годы XVIII в.), допугачевский период (60-е — первая половина 70-х годов XVIII в.), от восстания Пугачева до появления книги Радищева. Нельзя не согласиться с автором, что обращение к фольклору русских писателей в каждом из этих отрезков времени действительно несло в себе качественно новые черты. Во втором периоде автор различает два этапа, разделом между которыми служит 1812 год.

Две первые главы книги Ярослава Мандата составляют теоретическое и историографическое введение к основной части исследования. Третья глава посвящена самой русской народной сказке. Отмечая сложность поставленной задачи — осветить роль народной сказки в развитии русской литературы, автор указывает на отсутствие подлинных записей народной сказки эпохи феодализма, а также на отсутствие целостной марксистско-ленинской теории сказки, на которую он бы мог опереться в своем исследовании. Исследователь все же пытается дать характеристику русской сказки допушкинского периода, причем и здесь, как и в предшествующих главах, подробно рассматривает всю имеющуюся по этому вопросу исследовательскую литературу.

Наконец, последняя глава книги посвящена вопросу о взаимоотношении рукописной повествовательной литературы XVII—XVIII вв. и устной народной сказки. В этой главе Ярослав Мандат дает классификацию русской рукописной повести, кладя в основу ее генетический принцип. Он рассматривает две основные выделенные им группы повестей: оригинальные и переводные, причем в первой группе различает повести, написанные на фольклорной основе, и повести книжного происхождения.

Здесь рассматриваются и повести, возникшие ранее XVII в., но продолжающие бытовать в списках XVII—XVIII столетий (например, повесть о Петре и Февронии Муромских), а также повести, возникшие в исследуемый период (например, «Повесть о Шемякином суде»).

Из оригинальных повестей, написанных на фольклорной основе, кроме двух названных выше, рассматриваются «Повесть о новгородском посаднике Шипе», «Повесть о купце», «Повесть о Ерше Ершовиче» и др.

Оригинальными повестями книжного происхождения Ярослав Мандат считает «Повесть об Азовском сидении», «Историю о Ярополе царевиче», «Историю о российском матросе Василии Корианском» и ряд других. Рассматривая все эти повести, автор обнаруживает в них, независимо от их происхождения, сильнейшее влияние фольклора, в частности устной сказки.

* Yaroslav Mandát. *Lidová pohádka v ruském vývoji literárním*. Praha, 1960, 158 стр.

В группе переводных повестей Ярослав Мандат выделяет по их происхождению восточные повести, византийско-славянские, романско-славянские, западнославянские и повести западноевропейских неславянских народов. Приняв эту классификацию, он прослеживает вместе с тем влияние народной сказки на русские переводные повести каждой из намеченных им групп.

Во втором выпуске своего исследования автор предполагает показать традиции устной сказки в русской литературе; там же будут даны именные и предметные указатели ко всей работе.

Исследование Ярослава Мандата показывает блестящую эрудированность автора, представляя исчерпывающую сводку о взаимоотношениях русской литературы XVII — начала XIX в. с устной сказкой. Оно окажет существенную помощь всем изучающим этот важный вопрос, которому фольклористы и литературоведы до настоящего времени уделяют еще недостаточно внимания.

Э. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

С. И. Брук. *Карта народов Передней Азии* (с пояснительным текстом). М., 1960.

В серии крупномасштабных цветных этнических карт, подготовленных в последние годы Институтом этнографии АН СССР, видное место занимает карта народов Передней Азии, составленная С. И. Бруком под общим руководством П. Е. Терлецкого. Как и другие публикации этой серии, карта народов Передней Азии создана по новому, разработанному в Институте этнографии методу совмещения показа этнического состава и плотности населения, что дает возможность видеть не только расселение народов, но и их относительную численность в отдельных районах их этнической территории.

На карте народов Передней Азии показано 59 народов и выделено шесть ступеней плотности (для арабов и афганцев, кроме того, показано частично сохраняющееся у них деление на племена). Чтобы можно было оценить значение этих чисел, следует напомнить, что Ближний и Средний Восток является одним из наименее изученных в этническом отношении районов мира. По большинству переднеазиатских стран отсутствуют не только картографические или иные систематизированные данные по этническому составу и плотности населения, но и простые статистические сведения о численности и расселении народов. В одних странах Передней Азии (Афганистан, Саудовская Аравия, Йемен) переписи населения вообще не проводились, в других (Иран, Турция) они не отражают этнического состава или же, в соответствии с ассимиляторской политикой правящих кругов, являются тенденциозными и недостоверными. В этих условиях составление этнической карты не могло не потребовать привлечения и тщательного анализа огромного количества самых разнообразных источников — карт и справочников, этнографических, географических, экономических и других монографий, дневников путешествий и даже отдельных упоминаний, разбросанных в обширной литературе по странам Передней Азии. Результатом такого кропотливого труда и является рецензируемая карта — первая капитальная публикация в данной области, подобной которой, как это уже отмечалось специалистами по поводу одного из ее предварительных изданий¹, до настоящего времени не существует ни в одной из зарубежных стран.

Научная ценность этнической карты определяется в первую очередь положенным в ее основу критерием выделения народов. Применительно к странам Передней Азии этот вопрос имеет особенно большое значение, так как здесь почти повсеместно еще не завершились процессы национальной консолидации и рядом со сложившимися или складывающимися нациями продолжают существовать многочисленные народности, племена и этнографические группы. Как говорилось раньше, правящие круги некоторых переднеазиатских стран проводят политику насильственной ассимиляции этнических меньшинств, а подчас даже и совсем отрицают их наличие. Поэтому автор карты поступил, несомненно, правильно, пойдя по пути максимальной детализации материала, показа всех, даже самых малочисленных этнических общностей. Выделенные на карте 59 народов (в отдельных случаях — групп народов или племен), пожалуй, полностью исчерпывают сложный этнический состав стран Передней Азии. При самых тщательных поисках можно найти лишь несколько опущенных этнографических групп: так, не выделены юрки в Турции, хамсе в Иране, левантинцы в Сирии и Ливане.

¹ См. рецензии Дж. Хьюза (*World ethnographies and culture. Historical synthesis. «American Anthropologist»*, 1959, т. 61, № 4) и Реза Арасте Ширази («Обзор книг», 1960, август, № 2, на перс. языке) на книгу «Народы Передней Азии», М., 1957.